

С. ЛИХАЧЕВА

Повоєнна історія Чернігівського історичного музею у спогадах О.Д. Повод

Олександра Денисівна Повод народилась 18 травня 1921 р. у с. Янівка (з 1947 р. – с. Іванівка) Чернігівського району. Після закінчення Чернігівської середньої школи № 1¹ вступила на філологічний факультет Чернігівського учительського інституту, який закінчила у 1940 р. Деякий час працювала у неповній середній школі с. Степанівка Лосинівського району (с. Рівчак-Степанівка нині Носівський район) Чернігівської області. Напередодні Великої Вітчизняної війни викладала російську мову і літературу у Чернігівській залізничній школі. Під час фашистської окупації міста не працювала.

В Чернігівському історичному музеї – з 1 лютого 1944 р. Заочно закінчила Київський педагогічний інститут – факультети: російської мови і літератури (1948) та історичний (1954). Займала посади лаборанта, наукового співробітника, головного зберігача фондів, завідувала експозиційними відділами. З 1979 р. – на пенсії.

У 1996 році Чернігівському історичному музею імені В.В. Тарновського виповнилось 100 років. Готуючись до ювілею, його працівники звернулись до дослідження історії закладу, глибокого вивчення музейних колекцій. Звичайно, перш за все були залучені різноманітні документи – звіти про роботу, довідки, доповідні записки, акти прийому експонатів, тематико-експозиційні плани тощо. Увесь цей масив містив чимало фактологічного матеріалу, який розкривав діяльність установи, але за ним не було видно людей, невтомною працею яких збагачувалось зібрання музею, створювались експозиції, проводилась велика науково-просвітницька робота. До того ж, подеколи, виникала необхідність пояснень, уточнень та доповнень, надати які могли лише безпосередні учасники тих чи інших справ. Тому і виникла ідея запропонувати ветеранам написати про музей, свою працю в ньому, про колег.

Першою на це відгукнулась О.Д. Повод. На той час (1994 рік) вона жила в родині сина в Одесі. Її листи-спогади не є послідовним викладом подій. Спочатку це – переважно відповіді на запитання стосовно музею та його співробітників воєнних і перших повоєнних років. А далі писалось так, як згадувалось. Олександра Денисівна не мала змоги перечитати і підправити (відредагувати) свою працю: написавши якусь частку – відправляла її листом до Чернігова.

1 червня – 29 липня 1994 року є крайніми датами, зазначеними автором. Та робота над спогадами тривала чи не до останнього дня життя О.Д. Повод, яка раптово померла 27 серпня. Півтора десятка не датованих і не нумерованих аркушів були передані до музею її сином Валентином Феофановичем Голодом.

Спогади друкуються мовою оригіналу і практично повністю (вилучені лише особисті



*О.Д. Повод.
1950-ті рр.*

звертання до адресата). Скорочення розкриті у квадратних дужках. Описки виправлені без застережень.

1/VI 94

Одесса.

... А теперь по делу. Очень хорошо, что планируется такая книга – очерк по истории музея. Хорошо и то, что хотите сказать какое-то слово о людях, которые работали по много лет и оставили какой-то след о своей деятельности.

Парфразируем классика и скажем “Ни сказок о нас не расскажут, ни песен о нас не споют”. Это должны сделать мы сами, хотя бы в нескольких словах. “Писатель” из меня неважный был во все времена, а сейчас совсем уже и голова не срабатывает, устаю, даже написавши письмо и т.д. Напишите, пожалуйста, поподробнее – что именно нужно писать, в каком плане. Мало ли какая ересь взбредет в мою старую голову. Притом у меня нет ни единой бумаги, куда бы заглянуть и что-то прочитать. При переезде всё сожжено. А как память сохранила дела полустолетней давности это уж ... О людях, ушедших кое-что нашкрябаю я. А живые напишут о себе и сами получше меня. Особенно София Давидовна². ... пусть найдёт время и пишет. Вот, кажется, и всё что мне хотелось написать. Будьте все здоровы, счастья всем.

А.Д.

29/VI 94

Одесса.

... Первое – постараюсь сообщить на некоторые вопросы известные мне сведения. 1). Правильно фамилия не Деткова, а Дедкова Алевтина Александровна (1917 или 1918 г. рожд[ения]). В настоящее время проживает в г. Киеве-119, ул. Якира 12/42, квартира 24. Она работала в музее в самом начале после освобождения. Когда началась реэвакуация музейных ценностей из глубокого тыла на Украину (в Киев) – она их принимала. Она работала в должности учёного секретаря. Ценности нашего музея были эвакуированы в Уфу и Оренбург. На некоторых экспонатах и поныне, по-видимому, сохран[ились] номерки с шифром МФУ (музейный фонд Укр[аины]). С Алевт[иной] Алекс[андровной] мы переписывались всё время, а вот последних пару лет она почему-то перестала писать мне и др[угим] знакомым. До ноября м[есяца] 1993 г. она была жива ... 2) Сколько сотрудников осталось в Чернигове во время оккупации, я не знаю, но в музее работали изначально некоторые из них, в том числе и Экземплярский Сергей Васильевич. Работал учёным секретарём, затем бухгалтером, а затем перешёл в редакцию “Деснянки”³ и работал до пенсии. Давно уже умер. Если не ошибаюсь, он 1895 г. рожд[ения]. Его рукой написаны все инвентарные книги на предметы культов. А в отношении того, сколько раз горел музей и кто его поджигал, я не знаю. И такого разговора даже не слышала. Часть вещей была спрятана в т.н. тайнике – это в основном живопись, фарфор и т.д. Всё погорело.

Правда, ещё до пожара люди близживущие кое-что растащили по хатам и уже в то время, когда я работала сотрудниками музея были забраны из хат (никто особенно и не сопротивлялся) – итальянка на фарфоре, Беатриче, Екатерина II после бала. Копия из Лампи. Об этом я уже рассказыв[ала] в своё время сотруд[никам] худ[ожественного] музея. Полотна, выполн[енные] худ[ожником] Самокишем были сняты с подрамников и увезены в тыл. И ещё на ум пришла одна фамилия – Полегенько Владимир Петрович (1915 или 1916 г. рождения). Жив ли он, затрудняюсь сказать. Он работал до войны в музее, немного работал и после войны. Он же лично ездил в Харьков к Самокишу и заказывал для музея уцелевшие и доныне полотна. Работал до войны и после войны (тоже немного) Александр Алексеевич

Попко (археолог)⁴. В довоен[ное] время был зав. фондами и немного в этой должности в послевоен[ное] время. Его уже хорошо знает как археолога Матрёна Ант[оновна]⁵. Он занимался эвакуацией вещей, но прибил ноги чугунной пушкой и уехать с вещами не смог (якобы так – с его слов)

Работала в музее до войны библиотекарем то ли лаборантом Долганова Екатерина Евгеньевна (1920 г.) ... После войны тоже работала немного в музее в б[иблите]ке ...

Работал в музее до войны и после худож[ник] Ложечников Михаил Иванович⁶. Давно умерший. В музее до войны и после работала смотрителем и жена Экземплярского – Мария Александровна. Не так давно умершая ...

Вот это весь перечень людей, с которыми мне пришлось работать уже в послевоенный, вернее послеоккупацион[ный], период. То, что кто-то из сотрудников раскрыл тайник музея с вещами, я слабо верю. Люди всегда люди. Кто бросал всё и бежал, куда глаза глядят, а кто шастал везде и тянул к себе. Тащили из учреждений, тащили из квартир и т.д.

Директором музея до войны был какой-то Датчук (или Дачук), человек больной и он уехал в эвакуацию ещё раньше чем были отправлены вещи. Так рассказывали довоен[ные] сотр[удник]и. Левенко⁷ был взят в армию с первых дней войны, Мурашко⁸ тоже. И ещё одна фамилия: Шевченко Николай Николаевич – о нём я только слышала вначале от музейщиков, но уже в послевоен[ный] период появился в музее и сам Шевченко. Он попал в Германию – то ли в плен, то ли как рабочая сила. Некоторые говорили – по доброй воле. Очень много рассказывал, как он вёл борьбу в фашист[ском] рабстве, был организатором какого-то центрального комитета борьбы (ЦКБ), писал всевозможные воспоминания, иногда что-то печатал в прессе, и где-то в начале 50-х годов его арестовали и он получил 10 лет, и отбыл их честно, как один день ...

Шевченко уже знает и Матр[ёна] Ант[оновна]. Работал он зав. фондами.

Кто именно принёс портрет Хмельницкого в музей, я не знаю. Помню только, что он был расстрелян в пух и прах и найден на территории нынешнего дома офицеров.

Что находили немцы на музейном пожарище, я не знаю. Музейное пожарище уже пришлось раскапывать и мне (лето 1944 г. и, кажет[ся], 1945), но никаких картин не находилось. Была масса битого стекла, фарфора и пара чугунных пушек.

Картину Рашевского “Хлеб наш насущный” принёс в музей инженер Тобилевич (из рода Садовского, Саксаганского, Карпенко-Карого, двоюродный брат, якобы). Жил он по ул. Толстого в собств[енном] домике (кажет[ся] второй домик от угла ул. Старострижен[ской] и Толстого). Картина была не в лучшем состоянии. Он самостоятельно хотел её отреставрировать, но это была пародия на реставрацию. На боку лошади был наклеен целый горб. Отреставрирована картина была уже позже в Киев[ских] реставрационных мастерских.

Где спасался от всевозможных бед Дунин-Борковский и Елецкая Божья мать⁹ не знаю. Дунина–Борковского всё время приходилось таскать с места на место (при нашей тесноте) и он ужасно надоел. Елецкую Божью мать я уже привезла на своих собствен[ных] руках из Троицкого монастыря. Затем же возила в Киев на реставрацию и забирала тоже. До войны в Спасском соборе был музей-заповедник – возможно, эти вещи каким-то образом сохранились здесь. Инвентарные книги на экспонаты музея пропали. Где и как – не знаю?! Попко утверждал, что они были эвакуированы. Но возвратились ценности без инвен[тарных] книг. Приходили вещи положенные в ящики, и в ящик положен список. В некоторых писалось наименование вещи и инвент[арные] №№, а в некоторых только инвентарные номера. Здесь на месте мы сверяли номера на экспонатах со списками. Вроде бы всё было правильно. Такой ж сверкой занималась и Дедкова в Киеве.

Ну, на первый раз, пожалуй, и достаточно. Не судите строго за сумбурность

изложения и неряшливость написанного. Что непонятно – пишете. Постараюсь написать. С некоторыми музейными персонажами ещё встретитесь в послед[ующих] изложениях.

Всего наилучшего. Обнимаю. А.Д.

Хай щастить всім.

Надій і успіхів.

3/VII 94

Одесса.

Несколько дней тому назад отослала текст своей писанины. Сегодня хочу начать изложение непосредственно связ[анного] с музеем в послевоен[ное] время.

Довоенного музея, как учреждения, я совершенно не знала. Как известно, что я среднее образование получила в школе № 1 им.Ленина, которая наход[илась] рядом с музеем (худож[ественный] музей), то меня водили сюда, но не очень часто. Водили в заповедник – Спасский собор. Что я видела в заповеднике, я совсем ничего не помню, а музей запомнился трупами Лизогубов¹⁰. Эти трупы лежали в больших стеклян[ных] витринах, видела оружие, пушки. Последний раз я была в музее перед самым началом Отеч[ественной] войны. Здесь была очень интересная выставка, по-видимому, из фондов музея, располож[енная] в зале на I-м этаже со стороны нынешн[его] спортзала, затем на втором этаже в каких-то небольших комнатах, по-моему, где сейчас рабочие комнаты. Здесь были выставлены интересные картины, масса очень интересной (красивой) фарфоровой посуды, статуэток. И дальше на третьем этаже, я так думаю, был отдел совет[ского] периода. Здесь в основном были горизонт[альные] паршивенькие витрины, заполнен[ные] всевозможными бумагами и сахаром. Короче, это не понравилось, и я, и мои спутники не стали смотреть и спустились тем же способом вниз, а затем прошли мимо Лизогубов и – на улицу. А затем уже встреча с музеем (нынешним зданием) состоялась летом ещё военного 1944 года, о чём я писала в предыдущем послании. Что собой представлял музей, когда я появилась здесь? – Ещё ничего не представлял. Равно и то, что я тоже особого и ясного представления не имела, что такое музей и что здесь нужно делать. И попала сюда тоже, наверное, по чистой случайности. После оккупации с октября 1943 г. и по 1 февраля 1944 г. я работала в Черниговском городском отделе народного образования в должности машинистки. Все отделы горсовета находились в доме, где в настоящее время расположена санэпидемстанция (угол Кирпоноса и пр. Октябрьской революции)¹¹. Возле базара. В этом же здании находился и горком партии. В горкоме партии сразу после оккупации работала и известная уже вам Алевтина Дедкова. В горкоме работали известные всем нам музейщикам Коротков Ф.И., Балабай Ал[ександр] Петр[ович]¹² и др. Алевтина жила по ул. Чехова (возле нынешн[его] обкома – бывшего т.е.). Здесь эти домики все снесены. Недалеко отсюда была ул. Вольности (ныне ул. Лены Белевич)¹³. Там жила её подруга Алла Яковенко, а её муж – Сергей Филиппович Левченко¹⁴ – был назначен властями директором исторического музея. Изначально временным и.о. директора был Попко Ал[ександр] Ал[ексеевич]. И, по-видимому, Алевтина стала по протекции подруги одной из первых сотрудников музея, оставив горком партии. Через какое-то время она пришла в гороно и уговорила меня идти работать в музей. Вот так я и оказалась в музее на многие годы. Музеем сразу после оккупации было предоставл[ено] здание музея Тарновского¹⁵, а через какое-то время и здание деревян[ное], в котором находится и доньне дом народного творчества¹⁶. Ничего ещё не было – кругом пустота. Ни экспонатов, ни мебели. Когда я пришла наниматься на работу, то Левченко не было, а сидел в деревян[ном] здании в пустой комнате Попко за трёхногим столом и на таком же стуле. Сам Попко был в порван[ном] грязном пальто и каких-то ещё

лахах. Я написала заявление и меня зачислили на должность лаборанта.

Первым послеоккупацион[ным] директором был Левченко. Человек довольно порядочный, кандидат филологических наук. Родом был из с. Мекшуновки быв[шего] Любечского р[айо]на, 1902 г. рождения. Не очень давно умер. Война его застала в Чернигове, то ли в селе у родных. Что он здесь делал в период оккупации не знаю. Был в партиз[анах] Таранущенко. В скором времени его забрали (осенью 1944) в армию. Больше в Чернигов он не возвращ[ался]. Работал в Киеве в у[ниверсите]те им. Шевченко. Здесь же он работал и до войны. При нём же был принят прибывший музейный фонд, который принимала Алевт[ина] Александровна.

Вторым директором после Левченко был Голик Пётр Васильевич. До этого он работал – возглавлял областной отдел кинофикации. Во время оккупации был якобы в партизанах, до войны работал в школе. Это полнейшая противоположность Левченко. Пьяница, невежда и бездельник. Работал недолго, т.к. где-то в начале 1946 г. приехал Левенко Андрей Иванович и занял директорский пост на много лет.

Голик немного покрутился ещё при Левенко в должности зам. директора по науке, а затем уехал и работал в школе.

Главным в деятельности Андр[ея] Иван[овича] была забота о здании музея. От первого и до последнего дня его беспокоило хорошее здание для музея. Мы уже все иногда иронизировали над фразой из его посланий во всевозможные инстанции “музей находит[ся] в тесном и сыром помещении”. Так он и не дождался более пристойного помещения для музея. Поначалу осваивались развалины довоенного музея. Здесь мы копались на развалинах, пахали землю между зданием музея и полковой канцелярией. Затем музей выдворили и здание восстановл[ено] было и занято зоотехникумом, затем разместился филиал политехнич[еского] института. И лишь затем только это здание досталось музею, когда и[нсти]тут получил новое здание¹⁷. Но это уже всем известно. На просьбы Левенко были предоставлены опять же развалины нынешнего кооперативного техникума. Об этом уже хорошо помнит и Матрёна Антон[овна] – она уже работала в музее (с 1948 г.). Здесь было сделано ещё больше. Разработан проект восстановления. Неоднократно все мы собирались на совет и делили шкуру неубитого медведя, т.е. делили служебную и экспозицион[ную] площадь, где будет какой отдел, где рабочая комната и т.п. Затем все радости кончились тем, что здание передали облпотребсоюзу. Облпотребсоюз его восстановил и начал работать кооперативный техникум. И опять музей остался на ряд лет на Бобровице “в тесном и сыром помещении”.

Ещё при Левченко мы уже занимались собирательской работой. В основном встречались с партизанами в городе, а их тогда было много, ездили по командировкам по партизанским стоянкам, по местам партизанских отрядов и соединений. Затем создана небольшая экспозиция по партизан[скому] движению. В основном это был фотоиллюстратив[ный] материал, некоторые партизанские вещи, оружие. Экспозиция была размещена в музее Тарновского. Никакого оборудования не было. Сооружены какие-то полки, а на них положены разного размера фотоснимки, выполненные музейным фотографом. Был такой старый фотограф в городе Жварко Ефрем Степанович, с которым и мне пришлось ездить неоднократно; ездила с ним и Алевтина. Этикетки писал Михаил Иван[ович] Ложечников (до войны работал). Фотографии кантовали под стеклом. Главной учительницей по этому ремеслу была жена Экземплярского – Мария Александровна. Бумага для окантовки была серая, очень грубая и с ней тяжело очень было работать. Получалось грубо и не очень красиво.

В помощь музею были присланы страшные репродукции на исторические сюжеты различных битв и сражений, приклеен[ные] на картон, и покоробились, как черепахи

(разм[ером] наверное 30 × 40 [см] – сама картинка, а картон значит[ельно] больше). Этот материал послужил вступлением к нашей общей экспозиции (размещён в вестибюле), основная партизан[ская] экспозиция в зале, где был капитализм. Вышесказан[ные] экспонаты крепились к стене на обыкновенн[ых] верёвочках. Эти фотоснимки были даром от Московского историч[еского] музея. Мне кажется, что они не были оприходованы и, возможно, до этого времени и не сохранились.

Прибывший музейный фонд с эвакуации был размещён в двух залах, где последнее время был отдел феодализма. Фонды здесь хранились до времени когда музею предоставили здание полковой канцелярии¹⁸.

В день 60-[ле]тия Левенко (октябрь 1961 г.) областным управл[ением] культуры был представлен музейщикам новый директор – Чехов Василий Петрович¹⁹ (зав. отделом культуры облисполкома). Деятельность этого директора была кратковременной. Вместе с водителем Занским Виктором Александровичем в одну из очередных поездок они врезались в стоящую на обочине машину (по Белоцерковскому шоссе). Конец был трагическим. Чехов – убит, Занский ранен. Чехова похоронили со всевозмож[ными] почестями. Занский, излечившись от ран, был судим, получил срок. Возвратился в Чернигов, но больше водителем уже, кажет[ся], и не работал. Об этом более подробно может рассказать София Давид[овна] и Матрёна Антон[овна]. Это они хорошо помнят.

Директорский пост после Чехова занял многим вам известный Филин Александр Васильевич²⁰.

5/VII 94 г.

Продолжаю. Писать очень трудно и последовательно не получается. Изложила, как могла, фамилии известных мне директоров. Как видите, моя деятельность в основном проходила во времена Левенко, а затем Филина.

Я уже писала, что была зачислена поначалу на должность лаборанта, но в



*Працівники музею в експозиції відділу історії радянського суспільства.
8 березня 1952 р.*

скором времени (где-то летом 1944 г.) была зачислена на должность младшего научного сотруд[ника]. Не за проявленные какие-то там успехи в музейной деятельности, а потому, что появилось новое штатное расписание, из которого была исключена такая должность как лаборант. Такая должность в музеях появилась снова по сравнению совсем недавно.

В феврале 1944 г. (когда я нанималась на работу), по-видимому, действовало ещё довоенное штатное расписание. Оно было довольно большим. Были лаборанты, были смотрители, библиотекарь, художник, столяр, фотограф и приличное количество научных сотрудников. В новом штат[ном] расписании было немало сотруд[ников] тоже – где-то человек 47 (что-то мне эта цифра кружится в голове). Оно почти никогда полностью не заполнялось. Со временем штатные единицы сокращались. Больше всего доставалось художнику, фотографу и столяру. То они появлялись, то опять какой-то “умный” начальник вышестоящей инстанции их убирал. Но в новом первом расписании штатов, по всей вероятности, должность лаборанта заменена младшим научным сотрудником. Были ст[аршие] науч[ные] сотруд[ники], были зав. отделами. Была разница и в зарплате млад[шего] и старшего. Затем все стали просто науч[ными] сотрудниками. А чтобы быть старшим нужно было иметь звание кандидата наук. Таких в музее не было, кроме Левенко. Но он как администратор за свою учёность ничего не получал, кроме подписей на бумагах – директор, кандидат исторических наук. Диссертацию он защитил где-то в 1947 или 1948 г. Тема его работы была “Н.Щорс – герой гражданской войны” – короче, о Щорсе. Над этой темой он работал ещё до войны. Об этом говорил и Попко, и Экземплярский, и Полегенько.

Андрей Иванович всё время поддерживал и защищал музей Щорса. Дружеств[енные] отношения сохранил на всю жизнь с Ольгой Александр[овной] Щорс, которая многие годы была директором Щорского музея.

Очень большую работу выполнили сотрудники музея по инвентаризации возвратившегося из эвакуации музейного фонда. По-видимому, это было требование министерства культуры, т.к. были поставлены определен[ные] сроки, давались сведения о проводимой работе и т.д. Это был 1947 год. Все писали инвент[арные] карточки, кто мог хотя бы кое-как держать ручку в руках.

Подключены были кассир, библиотекарь, ребята молодые, числящиеся на должн[остях] научных сотрудников, но в основном копировали различ[ные] картины для создания будущей экспозиции. Какое качество этой работы переоценивать не будем (масса ошибок, неточностей в описании и т.д.), но ещё раз повторяю – это была огромная работа. Квалифиц[ированных] сотруд[ников] в музее не было, кроме Экземплярского. Он был основным консультантом; был ещё один сотрудник – бывший препод[аватель] пединститута (читал латинский язык) Гриельский Александр Алексеевич – в высшей степени человек интеллигентный, порядочный и знающий (в сравнении с такими специалистами, как я в то время).

После ухода из музея Попко – Гриельский небольшое время был исполн[яющим] обязан[ности] зав. фондами. Затем (как и многие в то время) получил срок за оккупацию, отбыл его, но уже был пенсион[ного] возраста и в музее больше не появлялся.

Инвентарными карточками, инвентарными книгами, написан[ными] коллективом музея в далёком 1947 г. – вы, дорогие коллеги, пользуетесь и сейчас. Много раз возникал вопрос провести новую инвентаризацию, то ли переинвентаризацию, но так ничего и не получилось, т.к. это работа очень большая и времени так и не нашлось за текущими делами.

Да и сотрудников в отделе фондов не было, кроме главного хранителя. Последнее время инвент(арные) карточки составляли на новые приобретения те, кто их собирал.

До появления в музее Мурашко В.И. хранителей фондов было несколько. Был какой-то Гордиенко (затем сотрудник милиции до самой пенсии), был Шевченко, о нём я уже писала, затем был Махлин Михаил Матвеевич, человек порядочный, но очень больной (инвалид войны с осколком в голове). Этот фондовый груз был явно ему не под силу. Порядочное время работал сотрудником в отделе феодализма, затем ушёл из музея и до пенсии работал воспитателем в школе-интернате на Подусовке.

Мурашко демобилизовался где-то 1952 г.²¹ Принял фонды, и, как всем известно, работал в музее и фондах почти что до самой смерти. Левенко очень почему-то любил менять сотрудников местами. Так несколько раз мы с Мурашко менялись местами. Заглянула в трудовую книжку и обнаружила ещё одну деталь. А.И. [Левенко] очень любил ещё назначать и зам. зав. отделами. То зам. зава отделом фондов я была назначена 21/II 1949 г., затем зав. отделом фондов – 4/VIII 1951 г., 1/X 54 г. – зав. отделом совет[ского] периода. Вот в это время и был получен фонд Прилуцкого краеведческого музея (точнее, это был наверное 1952–53 гг.)²². Это легко уточнить по документам, которые хранят[ся] в фондах музея – акт приёма-передачи. Инвент[арные] книги музея Прилук должны быть в фондах. Все экспонаты, получ[енные] в Прилуках, были заинвент[аризированы] вновь. Записаны в опред[елённые] книги, составл[ены] инвент[арные] карточки. Это была большая объёмная работа. Как попал в Чернигов фонд, в основном галаганов[ской], коллекции? В это время (имею в виду 50-е годы) было такое веяние в музейном деле создавать отделы совет[ского] периода, отделы современности. Поскольку помещение музея было небольшим (обычный жилой дом по ул. Б. Хмельницкого, около дома культуры) и создавать новые отделы не было возможности, то директор музея обратился в наш музей за советом, что ему делать?! Ему дан был разумный совет (Левенко и Мурашко) передать всё Чернигову²³. Что было и сделано. Было решение Министерства культуры о передаче музейного фонда, а историч[еский] музей Чернигова начал его осуществление. Перевозили экспонаты целой бригадой, в которую входили: Яцура Мих[аил] Терентьевич²⁴ – зам. директора по научной работе, я, как зав. фондами, Трофимчук Светлана Андреевна сотр[удник] отдела фондов; Домашенко Фёдор Иванович – завхоз музея и Карпова Надежда Ильинична – кассир. В таком составе мы трудились довольно долго (недели две, а может и больше). Все вещи были в архистрашном состоянии. То, что было непосредственно в помещении, ещё кое-как, а что касается других мест хранения, то это страшно. В основном это картины. Мы их откапывали из хлама и мусора на чердаке музейного сарая и в самом сарае, на чердаке дома культуры. Были на эту операцию отпущены соответ[ствующие] средства на погрузку и перевозку; предоставлен (если не ошибаюсь) двухосный вагон, доставив[ший] затем весь этот багаж в Чернигов. Затем началась очистка от грязи и пыли; реставрация, инвентаризация. Свидетелей этой эпопеи, кроме меня, может уже и не осталось. Яцура М.Т. уже умер ряд лет назад (1913 г. рожд[ения]), Трофимчук С.А. (1927 г.) умерла уже давно в возрасте 45–46 лет. Домашенко Ф.И. может ещё и жив, он 1920 г. рождения. Живёт в р[айо]не Пяти углов, по-моему, на ул. Курганной. Но собственно говоря, нового ничего не добавит, т.к. его дело было хозяйствен[ное] и грузчицкое. Карпова Н.И. – кассир была жива, я её видела в 1993 г. в магазине на Лесковице. Но её дело кассирское и тоже грузчицкое. Она 1910 г. рождения. Живёт на территории клуба строителей (где Чёрная могила). В одном из домов, распол[оженных] слева от Чёрной могилы (если зайти со стороны Елец[кого] монастыря). Многим из сотрудников казалось, что нам в Прилуках очень нравится, а посему мы так долго там сидим. Петраш²⁵ даже сочинил какой-то стих, из которого я и ныне помню пару строчек: “сотрудники от скуки поехали в Прилуки”. Это была поездка не от скуки и далеко не была развлекательной. Это было лето, очень жарко, а нам приходилось таскать все эти грузы, очищать их хотя бы немного от грязи и пыли и т.д. И здесь к слову.

После того как экспонаты были вывезены из Прилук мне, наверное “за наказание”, выпал жребий через какое-то время ехать снова же сюда и создавать отдел советского периода, т.к. я уже очутилась снова в совет[ском] отделе. В нашем советском отделе мне пришлось трудиться в дуэте с Софией Давидовной ряд лет и строить (создавать) новую экспозицию, собирать массу новых экспонатов, которые были необходимы для создания экспозиции уже в несколько ином плане. Общие материалы и метровые цитаты из постановлений и трудов Сталина исключались.

Было совершено много командировок по городам и весям области и губернии (быв[шей]) в поисках людей – участников Октября и гражд[анской] войны. До этого в музее ничего не было из местных материалов, кроме фотоснимков Черноуса С.У. и Данильченко А.И. Все наши поиски и поездки дали многое. К сорокалетию Октября создали абсолютно новую экспозицию. В художествен[ном] отношении может она и плохо оформлена, но по содержанию и количеству местного оригинального материала была неплохой. Перечислить разделы, экспонаты мне тяжело, да я уже и хорошо не помню. В научном архиве должны быть экспозицион[ные] планы, акты передачи собранных экспонатов в отдел фондов и т.д. Это всё даст возможность представить несколько полнее наш скорбный труд. Во время построения экспозиции (лето 1957 г.) нас с С[офьей] Д[авидовной] сфотографировали за работой и фото было помещено в “Деснянке”. У меня его нет, может сохран[илось] у С[офьи] Д[авидовны]. С нами трудился Петраш Г.И. как художник: писал этикетки, тексты; клеил, резал и нас учил этому мастерству – как правильно наклеить на картон бумагу, как правильно приклеить фотоснимок и т.д. Помогал как красивее разместить экспонаты в витринах на стенках. Пожалуй, в это время, а может ещё и раньше, появилась его “крылатая” фраза от “потолочных высот до половой низости”. Приходилось лазать по стенкам на лестнице и бесконечно ползать на четырёх по полу перекладывая с места на место экспонаты, чтобы они как можно лучше смотрелись. С нами работал (был идейным наставником) Михаил Терентьевич Яцура – зам. по науке. Много лет проработал при Левенко. С Филиным не сошлись характерами и он ушёл в облархив директором, и работал до пенсии. В это время создавался отдел современности. Здесь трудилась Лидия Петровна Бессарабова (в замужестве Полудненко)²⁶. Много она сделала по сбору вещевых экспонатов этого периода, много собрано материала по выдающимся людям – уроженцам Черниговщины. Она жива-здоровая, живёт в Чернигове. Отыщите её и пообщайтесь по интересующим вас вопросам. Она помоложе меня (1926 г. рожд[ения]). Выработыв[ала] пенсию в обкоме союза работников культуры. Иногда она бывает и на различного рода торжествах в музее. Некоторые из вас её знают. Живёт она на Бобровице в р[айо]не ул. Рокоссовского (в начале). Окончила Киев[ский] у[ниверсите]т, получила назначение в Черниг[овский] историч[еский] музей. Родом из г. Рыльска, Курск[ой] обл[асти]. Да так и осталась на всю жизнь в Чернигове.

29/VII 94

Давно уже не трудилась над своим “трудом”. Хотя всё думала, что писать и как. Ничего стройного и интересного не выходит. Прошу прощения за все погрешности. Пару лет назад мне бы было гораздо легче справиться с этой задачей. Что ушло – того не вернешь. И так! 9/I 1962 г. в моей трудовой книжке появл[яется] запись за подписью Филина, что я зав. отделом капитализма. Опять же строить этот отдел пришлось на пустом месте. Опять поездки, командировки по области и быв[шей] Черниговской губернии. Создание тематического и тематико-экспоз[иционного] планов и всё др[угое, что] связано с созданием новой экспозиции. Создавать капитализм пришлось с уже довольно опытными, к этому времени, музейщиками Н.В. Чернявской²⁷ и М.Ф. Лукьяненко²⁸. Они ещё живы и сравнительно

здоровы, могут многое написать о своей деятельности. Несколько слов напишу только о их работе в отделе капитализма. Собирали документы, фотоснимки, вещевые экспонаты и всё то, что необходимо было для создания экспозиции нового отдела. Это было связано с изучением архивных материалов. Это архивы Черниг[овский] област[ной], его филиалы в Нежине и Прилуках. Мне лично пришлось работать не только в вышеуказ[анных] архивах, но и в архивах гг. Клинцы, Новозыбков (быв[шая] губерния Черн[иговская], в наст[оящее] время – Брянская обл[асть]), в обл[астном] Брянском архиве, в архивах городов Харькова, Киева, Полтавы и т.д. Много было (достаточно) собират[ельских] экспедиций по сбору вещевых и этнограф[ических] материалов. Хочу сказать, что эти выезды были интересными, нужными, богатыми на материалы. Об энтузиазме в собират[ельской] деятельности хочу привести пару примеров. В один из выездов в командировку Над[ежда] Вас[ильевна] и Мар[ия] Филип[овна] отправились в Ичнянский р[айо]н. Кроме многого др[угого], они привезли кафельную плитку, которая, по всей вероятности, экспонир[уется] и сейчас. Им удалось каким-то образом (чисто музейным) уговорить хозяйку этой плитки, т.к. этой плиткой был вымощен черен русской печки (там, где спят). Естественно, они уплатили какие-то гроши и своими собствен[ными] силами сняли эту плитку и остались очень довольны. Труд увенчался успехом. И ещё. В очередной выезд по сбору экспонатов в Бахмач[ский] р[айо]н (Яцура М.Т., Чернявская Н.В. и я) – были в Батуристине, Красном и др. населён[ных] пунктах р[айо]на. Попали мы в небольшое село Матиевка (на берегу Сейма, внизу под Батурином). Искали мы всяческое оборудование, дабы показать процесс ткачества. И вот в Матиевке двое стариков сказали, что у них есть сновница и терница, но в клуне под сеном. “Если хотите, если это вам так нужно, то сами разбрасывайте это сено, ищите нужное, а затем – всё сложить так, как было”. Ну что ж, тогда были мы все довольно молодые и здоровые. Взались за дело. Сена было много. Нужное нашли, навели порядок, но устали изрядно, были грязные. Это было лето и жара примерно такая, как в настоящее время. Благо, что рядом был Сейм, то имели возможность кое-как привести себя в порядок. В поездках не всегда были условия в гостиницах для хотя бы относительно человечес[кой] жизни. Гостиниц, как таковых, в то время было мало, в основном это были какие-то небольшие домики, приспособлен[ные] под гостиницу. Из Батурина приехали в Бахмач. Сущест[вующая] гостин[ица] была занята и мест нет. Яцура встретил директора Черниг[овского] театра (театр был здесь на гастролях) и присоединился к нему в номер. Нам с Надеждой Вас[ильевной] спать было негде. Дежурная пошла нам навстречу: организовала нам ночлег в какой-то кладовке. И мы были “счастливы”. Но это так, к слову. Такие ночлеги были сплошь и рядом. Женщины ездили всё же меньше мужчин, а посему всё жилое гостиничное помещение использов[алось] для мужчин.

В это же время собрано много ремеслен[ных] изделий Черниговщины. Были привезены гончарные изделия извест[ного] гончара из Коропа Фигуры, из Ични мастеров (целая династия) Пищенко. В это же время был привезен и гончарный круг; прялка (сама тащила прялку на плечах из Коропа), ткацкий верстат из с.Бахмача (Бахмач[ского] р[айо]на); собрано много одежды: сподницы (юбки), юпки (свитки) суконные (из домоткан[ного] сукна) и фабричной ткани, вышитые укр[аинские] рубахи, корсетки, платки и т.д. Что я не выдумываю всё это – можно проверить по актам приобретения экспонатов и др. бумагам, которые должны храниться в фондах музея. Это были и собирательские экспедиции, и отдельные командировки сотрудников как отдела капитализма, так и сотрудников др. отделов.

По-моему, собират[ельская] работа в музее была поставлена неплохо с первых дней его деятельности после оккупации и в последующие этапы. Я уже немного писала, что собирались матер[иалы] по партиз[анскому] движению, по истории Отеч[ественной]

войны. Что сразу же была создана небольшая экспозиция. Затем был в музее отдел Вел[икой] Отеч[ественной] войны. Создан исключит[ельно] на местном материале. В это время я работала зам. зава этого отдела. Заведующим отдела был Воедило Пётр Васильевич. Работал он недолго, но какую-то долю своего труда вложил в музейное дело. Затем ушёл в школу и, как многие другие, доработал до пенсии. У него хорошо получалась собирав[ельская] работа (особен[но] связи с партизанами). Принимал он активное участие в инвентаризации музейного фонда, очень много читал лекций (массовых) о партиз[анском] движении. С ним мы и строили экспоз[ицию] отдела в деревян[ном] здании²⁹. Затем у него не сложились отношения с А.И. Левенко и он ушёл из музея. Но, по-видимому, у него любовь к музейному делу осталась навсегда. Жил он по ул. Свердлова напротив пединститута (возле военкомата). Но в настоящее время эти домики снесены и жильцы отселены в разные концы города. Где он сейчас живёт – не знаю, и живой ли – тоже не знаю. Он с 1910 г. рождения. Пару лет назад я его видела у нас на Лесковице в 8-м почт[овом] отделении – получал пенсию. В здании музея Тарновского была экспоз[иция] первобытно-общинного строя и феодализма (вестибюль и зал, где был капитализм). Здесь работал завед[ующим] отделом Николай Иван[ович] Кот и Влад[имир] Пет[рович] Полегенько. Кот в музее работал совсем немного. Ушёл в школу и дожил до пенсии. Человек он знающий, знал цену себе и своим знаниям. Хорошо водил экскурсии, читал лекции. Упорядочил и заинвентаризировал весь археологич[еский] материал, возвратившийся с эвакуации. Окончил он Киев[ский] пединститут в 1946 году (до этого у него был окончен Черн[иговский] учит[ельский] и[нститу]т). В настоящее время он живёт по ул. Толстого № 80, кв. 2. Это остановка возле мемориала (когда едешь в сторону города). Она напротив его двора. В прошлом году был живой (1920 г. рожд[ения]) – здоровый дядька. С музеем никаких связей, насколько мне известно, не поддерживал.

В первые годы моей деятельности в музее командировки были очень тяжёлыми в том плане, что доехать куда-нибудь было невозможно. Это в основном был попутный грузовой транспорт, товарные поезда, ходившие безо всякого расписания, собственные ноги.

Доехать до Щорса, напр[имер], нужно было больше суток. Ехать из Чернигова нужно было доехать до Гомеля (Новобелица), затем куда-то пересест[ь] и ехать дальше на Щорс. Доставиться обратно домой можно было через Бахмач (пересадка), Нежин, а затем Чернигов. В 1944–1945 гг. ещё была и такая неприятность – как бомбёжки.

Помню, как я возвращалась из Щорса домой через Бахмач. Это было лето 1944 г. Вокзал бахмач[ский] был разрушен, были какие-то деревян[ные] бараки. Людей полным- полно. Со Щорса приехала товарняком (по протекции какого-то район[ного] деятеля). Дальше ехать было нечем. Пришлось здесь ночевать. И вдруг ночью, в то время такой знакомый, звук немецкого бомбардировщика. Люди, естественно, кто куда подальше от вокзала в поле, в село. У меня был в руках какой-то старый портфель с какими-то собран[ными] для музея материалами. Бежать мне было легко. По пути тащился с огромными чемоданами мужчина. Попросил оказать ему помощь и сунул мне в руки один из чемоданов. Я взяла его чемодан и не оглядываясь помчалась вперёд с чужим чемоданом. Куда-то там добежала и со многими людьми остановилась в одной из хат села. Но того, кто поручил чемодан, не было. Где-то отстал. После этого побега от бомб пришлось возвращ[аться] на вокзал да и ещё с грузом. Уже был рассвет. Хозяин узнал меня, по-видимому, по своему чемодану. Был очень мне благодарен. И говорил, что люди бежавшие вместе с ним говорили, что ты только, мол, и видел эту девицу и свой чемодан. Появился какой-то огромный состав с пассажирами, ехавшими из эвакуации в сторону Москвы. Переполнен до предела, грязный. Билетов никаких не продавали. И этот вновь приобрет[енный] знакомый помог мне сесть в этот состав, сам сел со своим багажом и т.о. мы доехали до Нежина (оказалось он нежинский). В

Нежине усадил меня в какой-то поезд (по-моему это уже был поезд Прилуки–Чернигов) и т[аким] о[бразом] я доставилась к родным пенатам. И такие поездки были не единичными. Запомнилось и то, что в это время в своём портфеле я привезла небольшую коллекцию бумажных денег рус[ского] прав[ительства] и разных врем[енных] правит[ельств]. Выпросила я их у сотрудника райземотдела Полякова. Очень долго не соглашался передать свои “сокровища” для музея. Затем я написала ему расписку, что по первому его требованию всё будет возвращено. Прошло много лет. Эти деньги экспонир[овались] в экспозиции совет[ского] отдела. Вдруг в рабочую комнату заходит мужчина и даёт мне в руки мою расписку. Оказыв[ается] этот товарищ за годы оккупации получил срок (10 лет), отбыл его и возврат[ился] домой. Вспомнил о своих деньгах и явился за ними. Я ему показала, что то, что он мне дал, цело и невредимо. Через такое большое время стало госуд[арственной] собствен[ностью]. – Я ему сказала: и пусть остаются навсегда. Он согласился и ушёл удовлетворённым. Вот бывают какие случаи. Если что-то взял у человека, то храни его.

Несколько слов написать о материальной базе музея в первые годы его существ[ования] (воен[ные] и послевоен[ные]). До войны музей наход[ился] под опекой народного образования. Так было во время войны и в первые послевоен[ные] годы. Затем образов[ался] комитет по делам культурно-просветит[ельских] учреждений, а затем уже министерство культуры. Черниг[овский] историч[еский] музей считался республик[анского] значения по своей истории и экспонат[ному] фонду и подчин[ялся] непосредственно Киеву. Это, пожалуй, был лучший период в жизни музея. Никакие



*Зліва направо: Л.П. Полудненко, К.Т. Бикова, А.І. Левенко, Л.А. Меїр,
С.Д. Трубнякова, Н.В. Чернявська, Г.П. Прокоф'єва,
1 травня 1960 р.*

местные власти не вмешивались в жизнь музея. Необходимые материалы отпускались в Киеве – это и фотобумага, и всевозможные др[угие] фотоматериалы; бумага, краски, ткани, необходимые для оформл[ения] экспоз[иций] и т.д. Финансиров[ание] шло через Киев. Командировки в различные ведущие музеи шли через министерство. Как стал музей в областном подчинении все это значит[ельно] почувств[овали] и музей, как учреждение, и сотрудники. Облуправл[ение] культуры всегда считало, что музей это группа бездельников, которым нечего делать, и они должны ездить по области и заним[аться] делами клубов, библиотек, самодеятельностью и прочими делами, далёкими от музея.

В музее ничего не было, но где-то на первых шагах работы появилась какая-то лошадь с возом и конюх (житель Бобровицы) Грицько. После лошади появился старый грузовик и шофёр Василь Едомаха (тоже житель Бобровицы). Эта машина больше стояла чем ездил, её всё ремонтировали. Затем куда-то её дели. И уже где-то в 60-х годах (а может в конце 50-х) появилось грузо-такси (для перевозки людей), а затем уже автобус, известный многим из вас.

В 1944–1945 гг. музей работал в режиме военного времени. Ни выходных, ни отпусков не было. Кроме чисто музейной работы, приходилось заниматься заготовкой топлива и для себя лично, и для музея. Это заготовка дров, торфа. Жизнь неделями в лесах (Борки, Неданчичи и др.), торфоболотах Замгляя, Анисова. Грязные бараки, землянки, кишевшие клопами, блохами и пр[очей] тварью. Работать нужно было по расчистке города от развалин. Не зря (хотя же и поздно очень) вспомнили о людях моего возраста (старше и моложе) и причислили к участникам войны.

(К Прилукам). По всей вероятности до Вел[икой] От[ечественной] войны музей в Прилуках наход[ился] в церковном помещении. Не помню назв[ание] этого храма. Это в р[айон]е прилук[ского] базара (недалеко от нынешнего музея). Начальствующий немец в городе решил полностью вывезти музей в Германию. Естественно, была соответ[ствующая] охрана и всё уцелело за годы оккупации. Но когда началось освобожд[ение] Черниговщины и немцы драпали в обратном направлении, то было уже не до музейных экспонатов. Вот такие разговоры мне пришлось слышать от работников прилукского музея.

Прилукские картины реставрировались в деревян[ном] здании музея [после перевозки в Чернигов – С.Л.], т.к. оно было свободно от экспозиции. Готовились к построен[ию] экспозиции к 40-летию Октября. О чём уже написано раньше. Вещи, которые были в более-менее приличном состоянии, рестав[рировали] на месте, а в очень страшном состоянии – восстанавливались в Киев[ских] реставрацион[ных] мастерских. Здесь же в этом здании поначалу была создана и худ[ожественная] выставка. Главным её учредителем был Мурашко. Была наверное до того времени когда началось строительство экспозиции к 40-летию Октября.

Из реставрац[ионных] мастерских не возврат[ились] картины Л. Жемчужникова “Кобзарь на дороге”, В. Штернберга “Окраины Рима”, небольшая карт[ина] Ив[ана] Рашевского “Вид г. Остра” – эту Левенко передал Ирине Мих[айловне] Коцюбинской по её требованию через министерство. Две первые остались в Киев[ском] худ[ожественном] музее укр[аинского] искусства³⁰.

Левенко А.И. (1901 –?)

Кончал и[нсти]тут красной профессуры в Харькове. Родился в с. Безугловке Нежинского р[айо]на.

После Харьков[ского] и[нститу]та приехал на работу в историч[еский] музей Чернигова. И работал до нач[ала] В[еликой] Отеч[ественной] войны. Дело в том, что у него

должен быть какой-то архив, т.к. он всю жизнь занимался учёной деятельностью и много писал. Перед смертью (когда был уже тяжело больным) очень хотел, чтобы мы пришли к нему с Матр[ёной] Антон[овной]. Но мы так и не удосужились зайти. Он что-то хотел, по-видимому, сказать, и может и передать. Жил он по ул.Свердлова рядом с тем домом, где магазин “Политкнига”. Там жила его жена Софья Федоровна Левенко (1916 г. рожд[ения]). Пару лет назад я её видела. Она была ещё жива. Кроме жены в Чернигове живёт его младший сын Владимир Андр[еевич] (где-то года 1934 г. рождения). Адреса его я не знаю. О том жива ли Соф[ья] Фед[оровна] можете легко узнать от Матр[ёны] Антон[овны] (это недалеко от неё).

Некоторое время Андр[ей] Иван[ович] числился в музее замом по науке, затем ст[аршим] научным сотрудником, но в основном работал по созданию истории Украины при обкоме партии над томом “Черниг[овская] обл[асть]”. Для написания тома “Черниг[овская] обл[асть]”³¹ инициатором сбора материалов по населенным пунктам Черниговщины был Левенко. Все очерки с мест направлялись в музей. Всё это хранилось в б[иблиоте]ке музея. Небольшой путеводитель “Чернігівщина” был написан силами коллектива музея. Соавторами были и Яцура, и Едомаха³², и Попудренко, и я. Эта книжка наверняка есть в б[иблиоте]ке музея.

Яцура Михаил Терентьевич

(1913–1987?) – родился в с. Кукшин Нежинского р[айо]на, окончил Нежин[ский] пединститут, работал в школе, работал в редакции Черниг[овской] газеты то ли “Більшовик”, то ли “Молодий комунар”. В соавторстве с Едомахой написали путевод[итель] “Чернігівщина”. Участник многих экспедиций по сбору экспонатов, принимал участие в строительстве экспозиций различных музеев области. Кое-что я уже писала о нём. Возможно у него тоже сохранился какой-то архив. Адрес его можете узнать то ли в архиве, то ли через адресный стол. Где он жил последнее время, я не знала. У него жена Олимпиада Семёновна (1919 г. рожд[ения], если жива) и дочка Ада Михайловна Корсун (или Корсунь), 1939 г. рождения, врач. Если что-нибудь нужно будет, то найдёте через адресный стол.

О Мурашко я уже немного писала. О нём в нескольких местах в своих эссе упоминает Владимир Чивилихин, целую балладу написал и Репьях, и о его деятельности говорят документы отдела фондов. Родился он в с. Вересочь, учился в Черниг[ове] вначале на рабфаке, затем окончил учительский и[нсти]тут в 1939 г. и поступил работать в историч[еский] музей. Учился заочно в Нежин[ском] пединституте, но госуд[арственных] экзаменов не сдал. Он человек принципиальный и когда приехал на госэкзамены, то первым вопросом к нему был “уплатил ли он за учёбу”. Это его очень возмутило, разозлило и он, ни слова не говоря, всё бросил и приехал в Чернигов. И сколько его не уговаривали ехать и сдавать экзамены, он слушать не хотел, и так остался с неоконч[енным] образов[анием], хотя это, фактически, ничего не давало. Он очень много работал над материалами революции 1905 года на Черниговщине. Это была тема его курсовой работы в и[нститу]те, которую он впоследствии мечтал сделать диссертацией. Очень много он собрал материалов по выдающимся деятелям науки, литературы, искусства – урожен[цам] Черниговщины. Материал был собран и оформлен для издания. Но затем получилась какая-то заминка с издательством. Он забрал всё это и говорил, что якобы сжёт. Насколько это так, утверждать не берусь. По этим материалам было создано ряд плакатов, которые распростр[анялись] по музеям и клубам области. Думаю, что экземпляры этих плакатов сохранились и в фондах, и б[иблиоте]ке музея.

Думаю, что всё же что-то у него осталось и дома. Где живут его сыновья, не знаю адресов. Но при желании их можно найти. Один из них (старший) Станислав Васильевич

1941 г. рождения, младший Анатолий Васильевич 1946 г. рожд[ения].

Когда в Соснице был построен дом для экспозиции музея А.П. Довженко, нам с Мурашко была навязана эта работа. Несколько раз пришлось выезжать в Сосницу и оказывать сотрудникам братскую помощь.

Несколько раньше Едомаха, Водовозова и я строили экспозицию краеведческого музея в той же Соснице. Водовозова Роза Семёновна (1924 г. рождения) жена Махлина, о котором я упоминала раньше. В музее работала недолго. Ушла в школу № 3 и там читала историю до самой пенсии.

Экспозиции создавались в соответствии с политическими веяниями в истории, в жизни. Я вспоминала о том, что работала в отделе Отечественной войны 1941–1945 гг. – под началом П.В. Воедило. В Киеве была построена большая стационарная выставка, посвящённая партизанам Украины в войне. В отдельном большом здании (затем был дом офицеров, недалеко от Совета Министров). Затем нужно было менять убеждения, что всё же не только партизаны победили в Отечественной войне, но и армия. Эта выставка была свёрнута. Начались создаваться отделы Советского периода. В нашем музее в это время создается такой же отдел в том же деревянном здании в основном на общем материале с массой цитат, высказываний Сталина и его соратников. Но этого отдела я уже не создавала, т.к. я в это время была то ли в отделе фондов, то ли учёным секретарём. Здесь работал зав. отделом Брегман Лев Григорьевич – недолго. Затем ушёл в школу № 11, где доработал до пенсии. Умер давно. Еле достиг 60-ти лет. Даже не успел уйти на пенсию (1919 г. рождения). Вместе с Брегманом, как зам. директора по науке, трудился М.Т. Яцура и фотограф Приходько Владимир Иванович. Это довольно квалифицированный фотограф (был внештатным корреспондентом РТАУ). После музея работал ряд лет



*Зліва направо: 2-й – В.І. Мурашко, 6-й – І.І. Єдомаха,
7-а – С.Д. Трубнякова, 8-а – О.Д. Повод, 10-й – Г.Й. Петраш.
1 травня 1957 р.*

корресп[ондентом] РАТАУ, поддерж[ивал] связь с Андр[еем] Иван[овичем] Левенко. Умер давно в довольно раннем возрасте (1920 г. рожд[ения]). После этой экспозиции по-видимому, уже начали создавать экспозицию, о которой я довольно много написала, вместе с Соф[ьей] Давид[овной].

К 50-летию Октября создавалась полнопрофильная экспозиция – начиная от первобытнообщинного строя и кончая отделом современности. Всё лучшее отдавалось совет[ским] отделам, а дорев[олюционным] отделам пришлось довольств[оваться] старым оборудованием, высвободившимся из совет[ских] отделов. Мне лично пришлось совершить такое путешествие ещё – как заказать мебель в Кременец Тернопольской области. В это время здесь был создан спец[иальный] центр по изготовлению музейного оборудования. Это вертикальные витрины, которые и по сей день используются в отделе т.н. капитализма. Всё прочее оборудов[ание] – это старое из совет[ского] отдела.

Достраивали и открывали отдел капитализма мы с Марией Филип[повной]. Но затем в музейной жизни произошли небольшие перемены. Я уже писала, что из музея ушёл Яцура. Его место при Филине заняла Над[ежда] Вас[ильевна] Чернявская. Лидия Петровна Полудненко – ушла в обком профсоюза работников культуры. Мария Филип[повна] получила место зав. отделом современности. Кто был зав. отделом совет[ского] отдела (1917–1945 гг.) так и не помню. По-моему кто-то из друзей Филина. Некий Золотарёв. Основную скрипку в отделе играла Соф[ья] Давид[овна], т.к. этот зав. не знал ни украинского языка, ни истории Украины, и, тем паче истории Черниговщины. Да даже он не знал, по-видимому, и истории вообще. Так создавалась та экспозиция, по которой некоторым из вас (в то время молодым) довелось ещё водить экскурсии.

К 300-летию воссоедин[ения] Украины с Россией начали подготовку задолго до этого события. Здесь уже зав. отделом работал Едомаха Иван Иванович и Попудренко М.А. А в результате большой работы была создана большая стационар[анная] выставка. Здесь как художник трудился и Г.И. Петраш. Помимо текстового материала для экспозиции он создавал много иллюстраций. Не знаю, что-нибудь сохранилось из этих его картин или их списали, т.к. не имеющие худ[ожественного] значения. Создавая различный типаж для картин (пересел[енцы] из Укр[аины] в Россию и др.), основным натурщиком был он сам в различных вариациях. Об этом может очень хорошо повспоминать Матрёна Ант[оновна].

Несколько слов необходимо сказать об Ив[ане] Ив[ановиче] Едомахе. В музее он проработал ни много, ни мало – 25 лет, а затем ушёл дорабатывать до пенсии в реставрац[ионные] мастерские. Числился он науч[ным] сотрудником по реставрации архитект[урных] памятников. Едомаха попал в музей немного позже меня. Где-то вначале деятельности Левенко. А было это так. Возвратимся назад. Уже вы знаете Алевт[ину] Дедкову – одно из действ[ующих] лиц начального периода в деят[ельности] музея в воен[ное] и послевоен[ное] время. Для ясности – все мы были выпускн[иками] Черниг[овского] учит[ельского] и[нститу]та в своё время. Алевт[ина] была сокурсницей Едомахи, я была выпускн[ицей] литфака. Но поскольку и[нсти]тут был небольшим, то многие друг друга очень хорошо знали – особенно историки и литераторы. Физмат знали меньше, т.к. они и территориально были подальше – на I этаже; мы же рядом – на II-м. О времени, о котором идет речь, Едомаха работал зав. общим отделом Черниг[овского] горсовета. Он возврат[ился] из армии, с фронта, инвалидом (ампутирована стопа ноги). Мы пришли в горсовет выпросить пригласит[ельные] билеты на торжества по случаю освобод[ения] Чернигова от оккупации. И здесь увидели своего знакомого. Билеты он нам дал. В это время был очень расстроен тем, что ему накануне нашего прихода цыгане принесли мёртвого ребёнка и положили ему на стол, т.к. у них нет никаких возможностей на похороны. Как

он решил этот вопрос с цыганами не знаю, но на наше приглашение работать в музее он сразу же согласился и через несколько дней появился в музее. Левенко его зачислил зам. по науке. Замом он работал недолго, т.к. на горизонте появился Яцура, до этого работавший в общем отделе облисполкома, до войны – журналистом в област[ной] газете. Едомаха стал зав. отделом феодализма и проработал много лет. Начал работать над диссертацией, да так и не довёл её до конца. А вообще он человек был умный от природы. Кончил заочно истфак в Киев[ском] педагогич[еском] и[нститу]те. Занимался археологией, читал курс археологии в Черн[иговском] пединституте. Затем этот курс в своё время начала читать Свет[лана] Алекс[андровна] Половникова³³. После ухода Едомахи в реставрац[ионные] мастерские место зава заняла Попудренко.

Умер Ив[ан] Ив[анович] Едомаха где-то в возрасте 68–69 лет. С 1919 г. рождения. Жил он в одном доме с Лид[ией] Петр[овной] Полудненко, о которой я писала. Сын его Николай Иван[ович] Едомаха живёт в Киеве. Забрал с собой мать Татьяну Максимовну. Адреса не знаю. Может знает Лидия Петровна. Николай (сын, 1940 г. рождения) окончил театр[альный] и[нсти]тут им.Карпенко-Карого в Киеве. Работал какое-то время в ТЮЗе. Некоторое время вёл програм[му] “Незалежність”, работал диктором на радио и телевидении. Сейчас что-то не слышно. Когда умер Едомаха, то музей, которому человек отдал 25 лет жизни и оставил какой-то след в своей работе – даже не дал соболезн[ования] семье. И, по-видимому, никто не был и на похоронах. Может точно знает дату смерти Ив[ана] Ив[ановича] Кот, о котором я писала. Они земляки (из с. Жукотки Черн[иговского] р[айо]на), однокурсники и поддерживали отношения всё время. По моему, о смерти Едомахи и сообщил мне Кот.

P.S. И.И. Едомаха был соавтором путеводителя по Чернигову (совместно с Яцурой).

Что ещё нужно сказать – что ко всяким датам создавались выставки – то ли передвижные, то ли стационарные. Больше всех мне запомнился труд над крупнейшей выставкой “Наука и религия”. Идея этой выставки долго витала в воздухе. Много кому её определяли создавать, но в конечном итоге сия чаша не минула меня. Необходимо было создавать экспозиц[ионный], тематич[еский] планы, собирать материал (в основном фотоиллюстративный). В общем, делать то, что необходимо при создании любой экспозиции. Левенко выражает меня в командировку в Киев и сидеть там столько, сколько нужно. На территории Киево-Печер[ской] лавры было несколько выставок в различных постройках. За какое-то время необходимо было изучить всевозможные религиозные течения, верования, учения и всё такое прочее. В основном мне пришлось переписывать все эти выставки, заказывать фотоснимки как лаврскому фотографу, так и в госфото. Торопить, чтобы скорее их изготовляли, т.к. власти, витавшие над Левенко, угрожали ему всяческой расправой, а он мне неоднократно напоминал – если не будет сделано в срок, то я Вас повешу. В этой работе оказывал поддержку и помощь М.Т. Яцура (как зам. по науке); разработали один из разделов экспозиции И.И. Едомаха и М.А. Попудренко (естественная мумификация трупов – о Лизогубах седневских и Феодосии Угличком). В это время был закрыт Спасо-Преображенский собор и ключи от собора переданы музею. Тут же созрела идея создавать здесь эту выставку. Можете себе представить, какая это огромная площадь и должна быть освоена. Петраш разрабатывает чертежи витрин и щитов. Щиты заказали в какой-то организации. Они получились страшные (некрасивые) и очень тяжёлые, на подставках. Монтировали экспозицию всем музейным миром, днём, ночью, вечером, т.к. всегда музейщикам не хватает времени, т.к. власти на “хвост” наступают. Но обиднее всего то, что когда, как говорят, был забит последний гвоздь, последовало новое мудрое указание. Дескать это будет кощунством всё это давать в православном храме (происхождение жизни на Земле и пр[очее]). Выставку нужно убирать и нести Аллах его ведаёт куда. Думали,

думали и придумали – разместить эту махину в лекционном зале на Валу. В это время орудовал в парке культуры и отдыха всем нам хорошо извест[ный] Лерман А.М. С горем пополам (со всякими убавками и изменениями) помещаем эту махину в этом караван-сарае. Вечером здесь танцы и пр[очие] увеселения. Нашу выставку начинают обрывать, зарисовывать, описывать всякими непристойностями. Лерман кричит – убирайтесь вон отсюда. Думали, думали – придумали. Поехали в дом культуры на шерстян[ую] ф[абри]ку. И здесь жизнь нашей выставке была такая же. Через какое-то время её свернули. Все оставшиеся фотоснимки сложили в коридоре библиотеки, а щиты через какое-то время были использованы в экспозиции художественного отдела, когда Мурашко здесь соорудил экспозицию. Вот так бывает. Вложен колоссальный труд, с которым никто никогда не считался, да и деньги немалые. А толк?!

Много внимания в работе музея уделялось созданию стационарных и передвижных выставок. К каждой выдающейся дате обязат[ельно] создавалась выставка. Если сохранились в науч[ном] архиве экспозиционные планы, то можно и проследить. О больших выставках я уже написала: “300-летие воссоединения Укр[аины] с Россией” и “Наука и религия”.

Неплохая выставка стационарная была посвящена Н.А. Щорсу (в одной из комнат в деревян[ном] здании). Помимо фотоиллюстратив[ного] и текстового материала были поданы и личные вещи Щорса. Впослед[ствии] переданы в музей Щорса. Где, по-видимому, находятся и до настоящего времени. Эта выставка была приурочена 55-летию со дня рождения Щорса. Мне пришлось принимать участие в строительстве этой выставки, а затем и водить экскурсии.

И ещё воскресла в памяти одна из больших выставок – это “Октябрь и гражд[анская] война на Черниговщине” (так, якобы, её называли). Эта выставка была смонтирована на новых материалах экспозиции отдела (о чём я писала раньше). Выставка была сфотографирована и размножена по клубам и музеям области. Один экземпляр должен был хранит[ься] в отделе фондов. Выставка посвящ[ена] 40-летию Октября. Работали над этой выставкой мы с Соф[ьей] Давид[овной] и Яцура. Неплохой была передвижная выставка, посвящ[енная] 60-летию газеты “Правда”. Эту выставку создавали мы с В.Н. Клочко³⁴.

¹ Тепер школа № 2.

² Трубнякова (дівоче прізвище – Симанович) Софія Давидівна, у 1951–1983 рр. працювала у ЧІМ – науковим співробітником, зав.відділом.

³ Газета “Деснянська правда”.

⁴ Попко Олександр Олексійович, у 1934–1941, 1943–1946 рр. працював у ЧІМ – науковим співробітником, т.в.о. директора.

⁵ Попудренко (дівоче прізвище – Черепинська) Мотрона Автономівна, археолог, засл.працівник культури, у 1948–1984 рр. працювала у ЧІМ – науковим співробітником, зав. відділом, заст. директора з наукової роботи.

⁶ Ложечников Михайло Іванович, у 1930–1941, 1944–1948 рр. працював у ЧІМ художником.

⁷ Левенко Андрій Іванович (1901–1973), у 1934–1941, 1946–1970 рр. працював у ЧІМ – науковим співробітником, заст. директора з наукової роботи, директором, кандидат історичних наук.

⁸ Мурашко Василь Іванович (1916–1990), у 1939–1941, 1949–1988 рр. працював у ЧІМ науковим співробітником, зав. відділом, головним зберігачем фондів.

⁹ Мова йде про експонати – портрет та ікону.

¹⁰ Мова йде про мумії XVII–XIX ст. з родинного склепу Лизогубів у Воскресенській церкві смт. Седнів, знайдені у 1924 р. (до музею потрапили 5 мумій).

¹¹ Тепер проспект Перемоги.

¹² Коротков Федір Іванович, Балабай Олександр Петрович – учасники партизанського руху на Чернігівщині у 1941–1943 рр.

¹³ Вулиця ліквідована у зв’язку з реконструкцією центральної частини міста.

¹⁴ Левченко Сергій Пилипович – директор ЧІМ з грудня 1943 по грудень 1944 р.

¹⁵ Музей українських старожитностей В.В. Тарновського (вул. Шевченка, 63).

¹⁶ Будинок по вул. Шевченка, 54.

¹⁷ Будинок губернатора – теперішнє приміщення історичної експозиції музею отримав у 1975 р.

¹⁸ У 1963 р. музей отримав приміщення полкової канцелярії, де згодом було розміщено фонди і експозицію

художнього відділу, тепер – фондосховище ЧІМ.

¹⁹ Чехов Василь Петрович – директор ЧІМ у 1961–1963 рр.

²⁰ Філін Олександр Васильович (1915–1991), у 1964–1982 рр. – директор ЧІМ.

²¹ Мурашко В.І. працював у музеї з 28 жовтня 1949 р.

²² Експонати з Прилук надійшли до ЧІМ у травні 1953 р.

²³ На початку 50-х рр. ХХ ст. директор Прилуцького краєзнавчого музею О.І. Марфін неодноразово звертався до Комітету у справах культурно-освітніх закладів при Раді Міністрів УРСР з проханням дозволити списати і знищити ряд експонатів, що, на його думку, є “поміщицьким хламом”. Після висновку про історико-культурну цінність пам’яток, зробленого працівниками Чернігівського історичного музею, О.І. Марфін знову пише до Комітету з проханням дозволити передати їх ЧІМу.

²⁴ Яцура Михайло Терентійович – у 1948–1965 рр. працював у ЧІМ науковим співробітником, заст. директора з наукової роботи, зав. відділом.

²⁵ Петраш Георгій Йосипович (1901–1985), художник, краєзнавець, у 1940–1960-х роках працював у ЧІМ художником.

²⁶ Полудненко Лідія Петрівна, у 1951–1969 рр. працювала в ЧІМ науковим співробітником.

²⁷ Чернявська Надія Василівна, у 1952–1956, 1959–1975 рр. працювала у ЧІМ науковим співробітником, зав. відділом, заст. директора з наукової роботи.

²⁸ Лук’яненко (дівоче прізвище Воєдило) Марія Пилипівна, у 1950–1983 рр. працювала у ЧІМ науковим співробітником, зав. відділом.

²⁹ Експозиція у будинку по вул. Шевченка, 54.

³⁰ Тепер Національний художній музей України.

³¹ Історія міст і сіл УРСР. – К.: УРЕ, 1972.

³² Єдомаха Іван Іванович (1919–1988), у 1945–1969 рр. працював у ЧІМ зав. відділом.

³³ Половнікова Світлана Олександрівна, засл. працівник культури, з 1970 р. працює у ЧІМ – науковим співробітником, зав. відділом.

³⁴ Клочко Валентина Миколаївна, у 1970–1975, 1982–1994 рр. працювала у ЧІМ – науковим співробітником, зав. відділом, методистом.